

ПИСЬМА ЭЛЛИСА К БЛОКУ

(1907)

Вступительная статья, публикация и комментарии

А. В. Лаврова

«Из моих друзей он не любил Эллиса <...>», — писал Андрей Белый о Блоке несколько дней спустя после его кончины¹. Отношение Блока к Эллису (псевдоним Льва Львовича Кобылинского, 1879—1947) — поэту, переводчику и критику из среды московских символистов² — не всегда было столь однозначным, но непонимание, отчужденность и подчас даже вражда, действительно, характеризовали общение двух писателей, возникшее эпизодически и постоянно прерывавшееся, на протяжении почти десяти лет.

Уже самое знакомство Блока и Эллиса было чревато конфликтом. В январе 1904 г. Блок приехал в Москву, где впервые увиделся с Андреем Белым и группировавшимся вокруг него кружком мистически настроенных молодых людей — «аргонавтов». К тому времени еще не вышли в свет «Стихи о Прекрасной Даме», но «аргонавты» уже были восторженными поклонниками стихотворений Блока, известных им по первой публикации в журнале «Новый путь», а также, главным образом, по рукописным копиям, которые были в распоряжении Андрея Белого. Полные ощущения нового века как новой эры, предчувствий грандиозных перемен во всем мироустройстве и неопределенных религиозно-мистических упований, «аргонавты» распознавали в ранних стихах Блока родственные им настроения.

Эллис был одним из деятельных «аргонавтов», но в отношении к творческим опытам Блока проявлял определенную настороженность. Так, осенью 1903 г. он писал Андрею Белому: «Стихотворения Блока — бездарны и, *хотя и искренни*, но все насквозь условны, и их символы не наводят на мысли и настроения, тем более, что все его образы, как и лермонтовские, суть... слепки с реальных явлений»³. Категоричность этих слов объясняется резким тоном всего письма, в котором Эллис с раздражением оценивает содержание «Нового пути». Однако подмеченная уже в ранних стихах Блока явная связь его поэтических образов с реальным миром представляла собой, в системе взглядов Эллиса, принципиальный и серьезный недостаток: подлинная поэзия, с его точки зрения, не может ограничиваться самоценным изображением «реальных явлений», оно оправдывается только как трагический контраст по отношению к области высших сущностей. «Я люблю мир, ибо он отблеск *вечного*. Я не люблю его, ибо он *отблеск* вечного», — признавался Эллис⁴. То же самое и в восприятии искусства: все, символизирующее «вечное» начало, вызывает у него восторг; самоудовлеющие же «отблески» — негодование. Под таким углом зрения даже ранние стихи Блока, исполненные несомненного мистического пафоса, кажутся Эллису далекими от подлинного, в его понимании, идеала поэзии.

Первая встреча Эллиса и Блока 11 января 1904 г. на «воскресенье» у Андрея Белого и последующие разговоры обозначили зримый контраст между мироощущением Блока и символизмом Эллиса, трактованным с фанатической нетерпимостью; сразу же, конечно, обозначилось и полное несоответствие их темпераментов: Эллис, неистово и шумно пропагандирующий свои идеи, был совершенно неприемлем для Блока с его замкнутостью, внутренней сосредоточенностью, погруженностью в интимный мир переживаний. Андрей Белый красочно живописал в мемуарах одну из первых бесед Эллиса и Блока — на квартире у В. С. Поповой: «Эллис, иступленный и бледный, с лицом, налезавшим на А. А., с кровавыми губами и нестерпимо блестящими зеленоватыми глазками, одной рукой схватывал его за сюртук, а другой размахивал и крутил свои усики и бородку, обдавая А. А. потоком своих мыслей об «Арго», о Брюсове, Бодлере и, кажется, Данте <...> все это было А. А. одинаково чуждо; и взвинченная манифестация символа, и скрытая под ним бескровная черствость, схоластика католического монаха»⁵; «<...> я видел — А. А. зеленеет в словесных потоках; несносна ему эта взвинченность Эллиса, на пружинах схоластики <...> так помнится: лысое, мертвенное лицо, зелень глаз и кровавые влажные

губы; за ними опрокинутый, изнемогающий Блок, под потоками парадоксов, давно каменеющий < . . . > После Блок говорил: «Нет, вы знаете, нет: я Льва Львовича, все-таки, выносить не могу, нет уж, нет!»⁶.

К стихам и переводам Эллиса Блок также остался невосприимчив. В письме к С. М. Соловьеву от 8 марта 1904 г., говоря с раздражением о произведениях различных писателей-«декадентов», напечатанных в альманахе «Гриф», он твердо заключал: «Эллис (извини, пожалуйста) никогда поэтом не был и не будет, Бодлера *совсем* не понимает < . . . >» (VIII, 96).

Следующая встреча Блока и Эллиса, происшедшая в августе 1906 г., была сопряжена с гораздо более драматическими обстоятельствами: Эллис в качестве секунданта повез Блоку от Андрея Белого вызов на дуэль. Поступок Белого, находившегося тогда в крайне взвешенном, исступленном состоянии, был безрассудной попыткой разорвать неразрешимые отношения, сложившиеся у него с Блоком и Л. Д. Блок, за ответное чувство которой он боролся. На этот отчаянный жест он рискнул после долгих и мучительных разбирательств⁷. По словам Белого, Эллис, всецело стоявший на его стороне, был инициатором вызова: «< . . . > он — взывает мое настроение; высказывается решение: вызвать А. А. на дуэль; твердо знаю: убить — не убью; стало быть: это — формула самоубийства; от Эллиса прячу намерение это, но посылаю его секундантом к А. А.; он < . . . > отправляется тотчас же — в ливень и в бурю»⁸.

Приезд Эллиса в Шахматово 10 августа 1906 г. описала в своих мемуарах Л. Д. Блок: «< . . . > я решила взять дело в свои руки и повернуть все по-своему, не успели мы еще подняться на балкон. Встречаю Кобылинского непринужденно и весело, радушной хозяйкой. На его попытку сохранить официальный тон и попросить немедленного разговора с Сашей наедине, шутя, но настолько властно, что он тут же сбивается с тона, спрашиваю, что же это за секреты? У нас друг от друга секретов нет, прошу говорить при мне. И настолько в этом был силен мой внутренний напор, что он начинает говорить при мне, секундант-то! Ну, все испорчено. Я сейчас же пристыдила его, что он взялся за такое бессмысленное дело. Но говорить надо долго, и он устал, а мы, давайте сначала пообедаем. Быстро мы с Сашей меняем наши промокшие платья. Ну, а за обедом уж было пустяшным делом пустить в ход улыбки и «очей немые разговоры» — к этому времени я хорошо научилась ими владеть и знала их действие. К концу обеда мой Лев Львович сидел уже совсем прирученный, и весь вопрос о дуэли был решен. . . за чаем. Расстались мы все большими друзьями»⁹.

Как вспоминает Белый, по возвращении в Москву Эллис, передавая ему недоумение Блока по поводу вызова, уверял его, что тот составил себе о Блоке «превратное представление», что Блок на самом деле «хороший»: «< . . . > рассказывал долго, как тихо бродили они по желтеющим, ярко осенним лесам, как А. А. приютил его на ночь, а ночью пришел к нему в комнату, сел на постель и беседовал. С ним — о себе, обо мне и о жизни; потом, разумеется, Эллис читал переводы Бодлера; и проповедовал пересечения планов («там», «здесь») в символизме < . . . >»¹⁰. Весь этот эпизод в двух словах описала и тетка Блока М. А. Бекетова: «Секунданта Кобылинского сначала Люба отчитала, потом с ним оба страшно подружились < . . . >»¹¹.

Столь резкая перемена в отношении к Блоку не удивительна для Эллиса; его общения с людьми постоянно строились на резких переходах от восхищения к разочарованию, от неприятия к апологетизации. Брюсов, испытывший на себе поочередно ненависть и любовь Эллиса, отобразил эту особенность в эпиграмме на него (1916 г.):

Им руган я немилосердно,
Потом хвалим усердно им,
А после — руган был усердно
И милосердно были хвалим. . .¹²

К Эллису он обращал и сходные по содержанию ксении «Рыцарю святого Грааля»:

Искренность что — порок или доблесть, — если меняет
Искренно дважды на дню он убежденья свои?¹³

И в описанном случае Эллису хватило одного разговора, чтобы Блок из врага превратился в интимного собеседника. Чувства Эллиса не знали полутонов, не терпели двойственности; приятие всегда оказывалось безусловным, неприятие — тоже безусловным.

Но и Блоку Эллис раскрылся, вероятно, с выгодной стороны; он мог ему импонировать своим устремлением к духовно насыщенному искусству, требованием тесной связи литературного труда с задачами «жизнестроительства». Сам Блок подчеркивал (в предисловии к своей книге «Лирические драмы»; август 1907 г.), что «всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указаний жизненного пути» (IV, 433), а нравственно-этический императив, представление о литературе как жизненной миссии были неизменным критерием Эллиса в его отношении к писательской деятельности. В конечном счете, несмотря на всю несхожесть индивидуальностей, размеров дарования и творческих судеб, и Эллис и Блок были щедро наделены чертами, столь характерными для того поколения символистов, к которому принадлежали они оба. Не случайно близко знавший обоих Андрей Белый, размышляя о самой сути духовного пафоса, объединявшего «младших» символистов, поставил Блока и Эллиса в один ряд: «Мы, декаденты, или гибнем, как гибнет Блок, или путаемся в смещениях, как Иванов, или безумствуем, как Эллис, или бросаемся странствовать, взыскуя о Граде, как Александр Добролюбов; но мы ищем, все еще ищем: ищем реального Хлеба Жизни. И когда видим этот хлеб, то бросаем все и идем за ним»¹⁴.

Доброжелательные и даже доверительные отношения, которые установились между Блоком и Эллисом после этого шахматовского эпизода, не продлились и года. Весь корпус их переписки, которым мы располагаем, относится к этой поре. Несколько ответных писем Блока, по всей вероятности, не сохранилось, но их содержание отчасти поддается реконструкции благодаря письмам Эллиса. Эллис зовет Блока в задуманное им издание — альманах «Vox Coelestis» («Глас небесный»), который он предполагает подготовить в полном согласии со своими идеальными эстетическими представлениями, проецированными на католическое средневековье и «готику», и Блок присылает ему свои стихотворения (выпустить альманах в свет Эллису не удалось¹⁵). В свою очередь Блок принимает усилия к тому, чтобы пристроить в Петербурге задуманный Эллисом перевод из Жоржа Роденбаха. Два известных нам письма Блока к Эллису свидетельствуют о том, что он стремился в общении с московским литератором к неформальному контакту; размышления, которыми Блок делится с Эллисом, внутренне значительны и, безусловно, представляют собой не одну лишь попытку ответа неистовому в своих эмоциональных излияниях корреспонденту, но включают и подлинно исповедальные интонации. Примечательно, что это эпистолярное общение происходит на фоне продолжающихся конфликтных объяснений Блока и Белого, в которых нерасторжимо перемешаны личные проблемы с творческими и литературно-тактическими.

Разрыв между Эллисом и Блоком наступил внезапно и, казалось бы, по вздорной причине: Блок попытался в письме, мягко и ненастойчиво, защитить Г. И. Чулкова от нападок Эллиса, в ответ Эллис объявил, что не желает более иметь с ним ничего общего (п. 5).

Но вдруг — безудержно и сразу! —
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу
Грозя ножом, —¹⁶

этими строками поэмы М. И. Цветаевой «Чародей» (1914), в которой изображен Эллис, вполне можно охарактеризовать его реакцию на слова Блока.

Инцидент этот был одним из частных следствий идейного размежевания внутри символизма, происшедшего в 1906—1907 гг. и разделившего символистские «Москву» и «Петербург» на два враждующих стана. Побудительной причиной этого раскола явилось возникновение «мистического анархизма» — философско-эстетической теории, выдвинутой Чулковым и поддержанной Вячеславом Ивановым. Основной пафос «мистического анархизма», явившегося своеобразным откликом на общественный подъем в революцию 1905 г., сводился к преодолению индивидуалистических заветов раннего символизма и к поиску гармонического синтеза личности и общества, к стремлению «из уединения к соборности»¹⁷. Пути к желаемой гармонии, по Чулкову, лежат в соединении индивидуального мистического опыта с идеями философского анархизма; соединение мистических начал как сферы выражения индивидуального с анархическими идеями как областью общественного указывает на возможность преодоления реального разобщенного мира во имя грядущего соборного. Собственно мистический анархизм как строгая и продуманная система взглядов не

выдерживал критики; прокламированные Чулковым идеи отличались эклектизмом, незрелостью и претенциозностью, расплывчатостью теоретических установок. Основанием для широкой полемической кампании, развернувшейся вокруг него, оказалась чрезвычайная симптоматичность этого теоретического построения, ибо к тому времени уже была достаточно осознана идейная бесперспективность «декадентства» и открывались широкие пути исканий. Брюсов — тогда признанный глава московских символистов и руководитель журнала «Весы» — не принял новой теории в силу ее позитивной идейной несостоятельности и направил усилия на защиту идейных положений символизма от «мистико-анархической» ревизии. Ближайшими его союзниками стали Андрей Белый и Эллис¹⁸. Напротив, Блок, как многие другие петербургские литераторы символистского круга, отнесся к философским опытам Чулкова сочувственно и, хотя и протестовал против включения себя в число «мистических анархистов», видел в новой теории определенные аналогии со своими духовными и творческими исканиями. Полемика вокруг «мистического анархизма» и вызванного им идейного брожения, дополнительно раздувавшаяся из литературно-тактических соображений, а также не без привнесения личных мотивов, стала к 1907 г. основным содержанием критических отделов символистских изданий.

Неприятие Эллисом «мистического анархизма» — факт чрезвычайно показательный для характеристики его мироощущения и литературной позиции. Примечательно, что он в целом не приемлет и новейшие стремления к «синтезу» в религиозном мышлении — то, что он называет «пантеизмом», т. е., в основном, искания Мережковского, Розанова, Вяч. Иванова, стремившихся к сочетанию христианской религии с определенными «языческими» началами. Эллис изначально воспринимает мир в его трагической разорванности; скрытый мир вечных сущностей и явленный мир косной реальности враждебно противопоставлены один другому. Участь поэта, заброшенного в реальный мир, но видящего свою подлинную родину в запредельном, — гордое, трагическое одиночество и непонятость. Когда Эллис пишет Блоку о Жане Рембрандте, герое романа Роденбаха «Искусство в изгнании» (п. 4), то, безусловно, видит в нем отголосок собственной судьбы и собственной позиции в мире. «Небесное» и «земное» начала непримиримы, поэтому идея «синтеза», лежащая в основе «мистико-анархических» построений, Эллису совершенно чужда. «Декадентство» в его понимании, было вполне оправданным творческим методом, ибо в нем находил свое выражение «демонизм», неотъемлемо присущий реальному миру. Защищая «классический», «брюсовский», индивидуалистический символизм от попыток его «преодоления» и от всевозможных «синтетических» проектов, Эллис тем самым отстаивал и собственное мирозерцание.

Наступательная кампания против «профанации» символизма предполагала и противостояние модным эстетическим новшествам, попыткам соединения реалистических и символистских приемов творчества, подспудной основой которых в трактовке Эллиса и других «весовских» критиков обычно оказывался «мистический анархизм». Настаивая на «дифференциации и аристократической обособленности» символизма, Эллис утверждал, что в этом «путь спасения» для всех тех художников, «кто еще не сделался окончательно жрецом сразу всех храмов, вроде Вяч. Иванова и А. Блока»¹⁹. В полемической борьбе Эллис участвовал со всей силой своего неумеренного, запальчивого темперамента, постоянно выходя за рамки литературного такта и переполняя свои критические статьи резкими, зачастую оскорбительными нападками на своих литературных оппонентов. В ходе полемики Брюсов и Эллис задумали теоретико-полемический сборник, который Эллис хотел назвать «В защиту индивидуализма», вопреки «соборности» и «общественности» мистических анархистов (замысел этот не был реализован). Стремясь привлечь к этому начинанию Андрея Белого, Эллис написал ему (летом 1907 г.) выразительное письмо, служащее яркой иллюстрацией того положения, которое занял Эллис в «Весях», и наглядно демонстрирующее характер его полемического пафоса:

«Бесконечно дорогой Боря!

Мы с Валерием Яковлевичем замысливаем специальный сборник статей против мистического анархизма и в защиту индивидуализма.

В него войдут некоторые статьи, печатавшиеся в «Весях». Писал ли он тебе об этом? Необходимо, решительно необходимо, чтобы ты выбрал из прошлых твоих статей подходящие и написал бы обстоятельную отповедь хулиганам.

Я знаю, что ты *засел* за симфонию²⁰ и отрешился. . . но дело слишком серьезное!

Ты бросил перчатку, дело чести бросить и копые!

Я сам пишу обширную статью о петербургской сволочи, к которой появится в ближайшей книжке «Весов»²¹.

О, если бы ты перепечатал в начале будущего сборника свою старую статью о теургии²², снабдив ее примечаниями и смело указав источники, откуда черпает сволочь. Было бы это хорошо и своевременно!

Напиши все, выясни все, сбрось свое прошлое, казни твоих палачей, чтобы начать «новую жизнь», дышать холодным, свежим воздухом!

Порви слабые, искусственные нити с окаянным Петербургом. Я читал в «Весах» твои статьи об «Орах», «Тайге»²³ и чувствую, что для тебя стал вопрос — «все или ничего». Я целую тебя за твои замечания о Брюсове, который начинает принимать для меня фатальное значение. Я делю свою жизнь на 2 части, до Брюсова и с Брюсовым. Ты должен понять, как глубоко заходят наши с ним отношения. Бог с тобой.

Твой Эллис. < . . . »²⁴.

В борьбе за «чистоту» символизма Эллис видел свою основную задачу. Главные инвективы он обращал в адрес альманахов издательства «Шиповник», непосредственно касаясь творчества Л. Н. Андреева, Б. К. Зайцева, О. Дымова и других писателей, стремившихся к искусству, «синтезирующему» реалистическую и символистскую поэтику. И здесь благодарным объектом для нападок оказались новейшие творческие искания Блока, ознаменовавшие отход от художественной системы «Стихов о Прекрасной Даме» и привнесение новых, диссоциирующих элементов. «Ужас момента < . . . », — писал Эллис в 1907 г. Брюсову, — только в том, что смешиваются воедино разные стили. Хорош и сахар, хороша и соль, но ужасен воздушный пирог с солью, а «Жар-Птица», Перун, Ремизов, Блок (в драмах), Дионисий Иванович, — сахар с солью»²⁵. В статьях Блока «О реалистах» и «О лирике» Эллис увидел теоретическое обоснование этой капитуляции «строгого», «чистого» символизма перед искателями «синтезов» и теми, кого он презрительно именовал «эпигонами», — писателями реалистической школы. Позитивную оценку, которую Блок дал писателям «Знания» в статье «О реалистах», Эллис назвал «совершенно неосновательной и бездоказательно-ложной»²⁶. «Да, воистину надо родиться А. Блоком, чтобы восхищаться писаниями Горького < . . . », — восклицал он по поводу этой статьи, иронически именуя Блока «сей бессмертный критик»²⁷. В частных же письмах он определял критические обзоры Блока не иначе как словом «идиотизм» в самых различных сочетаниях и вариациях²⁸.

При этом стоит отметить, что, нападая на Блока-драматурга и Блока-критика, Эллис все-таки не оставался совершенно глух к его новым стихам, появившимся в журналах и альманахах; характеризует их, он выходил за пределы кружковой ограниченности и полемической пристрастности. Цикл Блока «Н. Н. Волоховой», опубликованный во «враждебном» альманахе «Шиповник» (кн. 2) — цитадели «мистического реализма», он называет «романтически-музыкальными строфами»: «Приятное исключение составляют стихи А. Блока, искренние, изящные, очень интересные»²⁹. Стихотворение Блока «Клеопатра», помещенное в четвертой книге того же альманаха, Эллис отмечает как «искреннее, глубоко художественное и поразительно-цельное» (хотя и оговаривается здесь же, что это «теперь редкое свойство у Блока») ³⁰; вспоминает он и о «преемственности самых лучших молитвенно-лирических мест» у Блока, «сокровенной, мистической лирике» Вл. Соловьева³¹. Впрочем, Эллис при случае не упускает возможности укорить стихи Блока за «неясность» и «растянутость», за сходство с поэтической продукцией эпигонов декадентства³². В целом же Блок-поэт для Эллиса, на фоне таких безусловных для него в это время дарований, как Брюсов и Андрей Белый, — художественная индивидуальность, не сумевшая выявить себя до конца и сохранить духовную чистоту, своего рода «падший ангел» от символизма, соблазненный «петербургским» литературным окружением с его тягой к «синтезам», «преодолениям» и «переоценкам». Краткие оценки творчества Блока, даваемые Эллисом в книге «Русские символисты», над которой он работал в 1908—1909 гг., сводятся в основном к тому, что поэт не оправдал возлагавшихся на него надежд; восприняв от Вл. Соловьева «мистические созерцания» и «романтические мотивы», он смог в «Стихах о Прекрасной Даме» заключить их в «уточенные формы нежно-символической лирики», но в последующих произведениях изменил этим заветам и «в своем «Балаганчике» грубо и цинично стал глумиться над < . . . » культом Вечной Жепственности», «по-

мрачив» тем самым романтический идеал и скомпрометировав былые прозрения и вдохновения»³³.

В своей реакции на содержание и стиль критических выступлений Эллиса Блок отказался от прямой отповеди или полемических возражений, решив иронически «подтвердить» справедливость всех, достаточно фантастических, представлений Эллиса о современной литературе. Построение заключительного раздела своих «Писем о поэзии»³⁴ — заметки «Два Аякса» — он объяснил тем, что руководствовался «более всего страстным желанием подразнить г. Эллиса»: «В заключение — некоторая дань провокации, хулиганству, легкомыслию и другим явлениям литературной жизни, приводящим в ужас почтенного критика «Весов», г. Эллиса <...> Скорей, скорей, г. Эллис, поведайте миру о том, что я погиб окончательно и стал отныне «мистическим хулиганом!» (V, 298). Действительно, заметка высмеивает полемические установки «Весов», и Эллиса прежде всего, в их наиболее, вероятно, уязвимом моменте — делении на «своих» и «чужих», «весовцев» и «петербуржцев». У Блока уравнины, представлены «двумя Аяксами» «весовец» С. Соловьев и «петербуржец» П. Потемкин, один — убежденный борец против «мистико-анархической» идеологии, другой — так называемый «огарочник», рядовой представитель ниспровергаемого «Весами» движения.

Столь же уничтожающую оценку Блока вызвала деятельность Эллиса в области переводческого искусства. Это выступление имело явный полемический прицел: Блок рецензировал издание пьесы Э. Верхарна «Монастырь» в переводе Эллиса, сопровождаемое кратким предисловием Андрея Белого, рекомендовавшим «художественный перевод Эллиса» как «ценный материал для театра»³⁵. Блок же признавался, что «был взбешен Эллисовским переводом»³⁶. Показав на целом ряде убедительных примеров ошибки, неточности и общую слабость перевода, он обратил свои критические стрелы и против Белого как исполнителя взятой на себя роли «защитника литературных ценностей», и против Эллиса, которому вынес решительный приговор: «Г-на Эллиса мы знаем только одного: это — посредственный поэт и плохой переводчик, попавший почему-то в последний год в присяжные критики «Весов»; здесь превратился он в развязного и яростного брезгливца, мечущего громы и молнии на современную литературу; современная литература не нравится г-ну Эллису, что делать? Но ведь и г. Эллис не нравится ей, а потому — беда не велика; и разойтись бы в разные стороны этой неладной паре!» (V, 644)³⁷.

Статья Блока об Эллисе, так же как и наиболее резкие отзывы Эллиса о Блоке, относятся к 1908 г. Следующий год принес с собой ощутимые сдвиги в расстановке сил внутри символизма. Полемика вокруг «мистического анархизма» к этому времени исчерпала себя, основные ее участники разошлись по разным путям; «Весы» — трибуна Эллиса-критика — прекратились в конце 1909 г. Тогда же, в 1909 г., в Москве было основано издательство «Мусагет», ставившее своей задачей религиозно-философское и культурно-историческое обоснование символизма. Руководитель и организатор «Мусагета» Э. К. Метнер привлек к участию в этом начинании не только Андрея Белого, Эллиса, А. С. Петровского и других прежних «аргонавтов», но и представителей недавнего «враждебного» стана — Вяч. Иванова и Блока³⁸.

Сближение Блока с кругом «Мусагета» было не формальным и не случайным. 1910 год явился во многом переломным для его литературной позиции. Блок вновь, как в эпоху своего творческого становления, оказывается перед задачей обоснования символизма как религиозно-жизнетворческого служения, видит перед собой новые пути, отличные от тех, которыми он шел в пору «Балаганчика» и «Снежной Маски». Говоря в этапном для себя докладе «О современном состоянии русского символизма» о «тезе» и «антитезе» как двух фазах развития этого литературного течения, Блок фактически исповедуется о пройденном им пути; стадия «антитезы» позади, «лиловый сумрак» рассеялся, и Блок встает перед новыми рубежами: «Мой вывод таков: путь к подвигу, которого требует наше служение, есть — прежде всего — ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета» (V, 436).

Доклад Блока, напечатанный в 8-м номере «Аполлона» за 1910 г., привел Эллиса в восторг. Он послал ему в знак примирения книгу Бодлера в своем переводе (Шарль Бодлер. Стихотворения в прозе. Перевод Эллиса. М., «Мусагет», 1910), причем к дарительной надписи приписал заключительную фразу блоковского доклада: «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку эта моя запоздалая книга с чувством примирения

ни симпатии. Эллис. «Нам должно быть памятно и дорого паломничество Синьорелли, ж(ото)рый, придя на склоне лет в чужое скалистое Орвьето, смиренно попросил у граждан позволить ему расписать новую капеллу!» А. Блок»³⁹. Блок послал Эллису в ответ письмо, которое, по всей вероятности, не сохранилось; о нем он упомянул в письме к Андрею Белому от 29 сентября 1910 г.: «Примирение со мной Эллиса я оценил по-новому еще после того, как ответил ему, припомнив разное (дрянное и важное). Мы с ним на редкость чужие во всем внешнем (. . .), но во мне есть по отношению к нему еще нечто, кроме искренней веры в его ноуменальное благородство»⁴⁰. В начале ноября 1910 г. Блок приезжал в Москву, где общался с «мусагетцами». 10 ноября он сообщал матери: «В Москве все близкие люди (т. е. Мусагет) производят трогательное и сильное впечатление»; перечисляя близких, он назвал Эллиса следом за Андреем Белым (VIII, 320). Вероятно, к этой поре относится стихотворение Эллиса «Resignation», посвященное Блоку⁴¹.

Бликие отношения, однако, установиться между ними не могли даже при самых благоприятных внешних обстоятельствах и при взаимной расположенности друг к другу. Уже 6 июня 1911 г. Блок писал Белому в ответ на его слова о «Мусагете»: «(. . .) у меня с ним связано всегда некоторое беспокойство, которого я не умею преодолеть: я боюсь Эллиса, что-то в нем чужое — ужасное, когда не милое, и только милое, когда я его увижу и он повернет ко мне одно из своих многих лиц» (VIII, 345). В этих словах содержится, конечно, не только откровенное признание в неистребимом личном предубеждении. Ровесники, имевшие во многом общие духовные истоки, Блок и Эллис были антагонистами не только по темпераменту и конкретным симпатиям и антипатиям, но и по самым основам мироотношения. Характерная особенность индивидуальности Эллиса — отсутствие движения, развития; идея пути, под знаком которой протекала вся духовная жизнь Блока⁴², была ему совершенно чужда. Эллис постоянно менял объекты своего преклонения, в своих идейных исканиях делал головокружительные зигзаги, но смена кумиров и лозунгов была только фикцией эволюции, по содержанию все они оказывались внутренне схожи. «В сущности в центре я прочен, верен себе и даже схематичен», — признавался сам Эллис⁴³. Иногда Блок и Эллис встречались чуть ли не как единомышленники; но, при всем совпадении их идеальных представлений, то, что у Блока, в плане его жизненного пути, оказывалось наполненным живым духовным и творческим содержанием, у Эллиса могло обернуться только догматическим установлением, фанатическим призывом. То, что было для Блока одним из необходимых факторов сложного единства его «трилогии вочеловечения», для Эллиса предстало конечной, замкнутой и неопровержимой истиной.

«Признав» Блока после примирения 1910 г., Эллис все же остался способен воспринимать в нем только родственное самому себе. В 1913 г., уже после выхода в «Мусагете» первого трехтомного собрания стихотворений, в котором в полную величину предстал зрелый Блок, Эллис писал: «Чуждая всему современному, слишком непосредственно-женственная лирика Александра Блока легко выдает в нем душу позднего средневековья, менестреля Пресвятой Девы, являющейся «Дамой в золотом венце» Прекрасной Дамой, соблазняющей Раем, обрекающею своих служителей на гибель и искупление»⁴⁴. Блок в этих словах — фактически ипостась самого Эллиса, после недолговременного преклонения перед антропософией Рудольфа Штейнера удалившегося от русской литературной жизни и безраздельно погружившегося в католицизм и культ средневековья. С осени 1911 г. Эллис постоянно живет за границей, и с этих пор его общение с Блоком не возобновляется.

Письма Эллиса к А. А. Блоку печатаются по автографам, хранящимся в архиве Блока в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 2, ед. хр. 40). Два письма Блока к Эллису, сохранившиеся в архиве В. Я. Брюсова (ГБЛ, ф. 386, карт. 77, ед. хр. 40), опубликованы М. И. Дикман (VIII, 181—182, 185).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Андрей Б е л ы й. К материалам о Блоке. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 3, ед. хр. 42.

² Общие сведения о биографии и творчестве Эллиса см.: С. С. Г р е ч и н к и н, А. В. Л а в р о в. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик. — «XCV Герценовские чтения. Литературоведение. Краткое содержание докладов». Л., 1972, с. 59—62.

³ ГБЛ, ф. 25, карт. 35, ед. хр. 46.

⁴ Э л л и с. Дневник. 1905 г., лето. — ГБЛ, ф. 167, карт. 10, ед. хр. 16, л. 8 об.

⁵ Андрей Б е л ы й. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — «Записки мечтателей», № 6. Пб., «Алконост», 1922, с. 62.

- ⁶ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 1. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 222, 223.
- ⁷ См.: Вл. Орлов. Пути и судьбы. Л., 1971, с. 692—698.
- ⁸ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 3. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 188.
- ⁹ Л. Д. Блок. Были и небыллицы. Времен, 1977, с. 59.
- ¹⁰ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 3, с. 189—190; ср.: Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 92.
- ¹¹ Дневниковая запись М. А. Бекетовой от 24 августа 1906 г. — ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 3, л. 135.
- ¹² Валерий Брюсов. Неизданные стихотворения. М., 1935, с. 460.
- ¹³ ГБЛ, ф. 386, карт. 15, ед. хр. 1, л. 29—30. Ср. опубликованный вариант: «30 дней», 1927, № 10, с. 32.
- ¹⁴ Письмо к М. К. Морозовой (1912 г.) — ГБЛ, ф. 171, карт. 24, ед. хр. 1 в.
- ¹⁵ В середине октября 1907 г. Андрей Белый писал Блоку: «*Vox Coelestis* не будет: Эллис возвращает стихи» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка». с. 221).
- ¹⁶ Марина Цветаева. Неизданное. Стихи, театр, проза. Paris, 1976, с. 32.
- ¹⁷ Вячеслав Иванов. О «факельщиках» и других именах собирательных. — «Весы», 1906, № 6, с. 55.
- ¹⁸ Подробнее см.: «Брюсов и «Весы». — ЛН, т. 85, с. 294—295; А. В. Лавров. Брюсов и Эллис. — «Брюсовские чтения 1973 года». Ереван, 1976, с. 217—236.
- ¹⁹ Эллис. Еще одна корона. — «Весы», 1908, № 6, с. 63.
- ²⁰ Летом 1907 г. Андрей Белый дописывал «четвертую симфонию» «Кубок метелей» (М., 1908).
- ²¹ Возможно, имеется в виду статья Эллиса «Поворот» («Весы», 1907, № 8, с. 65—68).
- ²² Андрей Белый. О теургии. — «Новый путь», 1903, № 9, с. 100—123.
- ²³ Рецензия Андрея Белого на альманах «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907) и на драму Г. И. Чулкова «Тайга» (СПб., 1907) («Весы», 1907, № 6, с. 66—70).
- ²⁴ ГБЛ, ф. 25, карт. 25, ед. хр. 31. 12 июня 1907 г. Эллис соответственно писал Брюсову: «Спишитесь, возможно скорее, с Бугаевым по поводу сборника. Кроме калаш, он смог бы дать нам и панталоны, и пальто, и шляпу. Он дьявольски зол на Петербург, а из злобы рождаются лучшие страницы» (ГБЛ, ф. 386, карт. 109, ед. хр. 44; в цитате намеки на полемическую статью Андрея Белого «Штемпелеванная калаша» — «Весы», 1907, № 5). Не менее красноречиво Эллис писал Брюсову в сопроводительном письме к рукописи рецензии С. Я. Рубановича на издание «Цветов Зла» Бодлера в переводе Арсения Альвина (СПб., «Гелиос», 1908), напечатанной в «Весам» (1908, № 6, с. 69—71): «Нужно оборвать хулиганов и необходимо привлечь к «Весам» армии из простых солдат. А то в Петербурге армия без вождей, а у нас в Москве вожди без армии. Исправляйте и сокращайте эту рецензию, как угодно. Если не прикормить к «Весам» подобной армии (из к^той 99% могут оказаться = 0), то откуда же, как не путем естественного отбора, явятся 1% будущих творцов и труженников, тем более что многие и из «отцов символизма» становятся гнилыми мухоморами, или проститутками, негодьями и изменниками. Нужно вспомнить о методах иезуитов» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 2, ед. хр. 51).
- ²⁵ ГБЛ, ф. 386, карт. 109, ед. хр. 44. «Жар-Птица» — книга К. Д. Балъмонта, «Перун» — сборник стихов С. М. Городецкого, «Дионисий Иванович» — Вяч. И. Иванов. Ср. пренебрежительный отзыв Эллиса (в статье «Кризис современного театра») о драме Блока «Балаганчик» («Весы», 1908, № 9, с. 64).
- ²⁶ Эллис. Наши эпизоны. — «Весы», 1908, № 1, с. 65—66.
- ²⁷ Эллис. Еще о соколах и ужах. — «Весы», 1908, № 7, с. 57.
- ²⁸ См., например, письма Эллиса к Брюсову 1908 г. (ГБЛ, ф. 386, карт. 109, ед. хр. 44) и к М. И. Сизовой (январь 1909 г.; ЦГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 20). Ср. письмо Эллиса к Брюсову, опубликованное Д. Е. Максимовым в его кн. «Поэзия Валерия Брюсова» (Л., 1940, с. 208—209).
- ²⁹ Эллис. Поворот. — «Весы», 1907, № 8, с. 65, 67.
- ³⁰ Эллис. Литературный невод. — «Весы», 1908, № 10, с. 81.
- ³¹ Эллис. О современном символизме, о «черте» и о «действе». — «Весы», 1909, № 1, с. 78.
- ³² См.: Эллис. Корабли. Сборник стихов и прозы. — «Весы», 1907, № 5, с. 75; Эллис. Об альманахах. — «Весы», 1909, № 5, с. 71—72.
- ³³ См.: Эллис. Русские символисты. М., «Мусагет», 1910, с. 178—179, 252, 264—265, 271, 322, 324.
- ³⁴ Опубликованы в журнале «Золотое руно» (1908, № 7-8-9, 10).
- ³⁵ Эмиль Верхарн. Монастырь. Перевод с французского Эллиса. С предисловием Андрея Белого. М., «Полюза» (В. Антик и К^о), <1908> («Универсальная библиотека», № 60), с. 4.
- ³⁶ Письмо к матери от 11 июня 1910 г. — «Письма к родным», т. II, с. 86.
- ³⁷ Рецензия была помещена в журнале «Образование» (1908, № 7).
- ³⁸ См.: Н. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман, А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру). — «Блоковский сб.», 2, с. 385—397.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 40. Сохранилась и надпись Эллиса Блоку на книге «Русские символисты»: «Глубокоуважаемому и дорогому во имя неизбежного и несомненного будущего Александру Александровичу Блоку от Эллиса» (там же).

⁴⁰ «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 236.

⁴¹ Э л л и с. А р г о. Две книги стихов и поэма. М., «Мусагет», 1914, с. 50—51.

⁴² См. работу Д. Е. Максимова «Идея пути в поэтическом сознании Блока». — В кн.: Д. М а к с и м о в. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 6—143.

⁴³ Письмо к Э. К. Метнеру от 13 января 1913 г. — ГБЛ, ф. 167, карт. 8, ед. хр. 1.

⁴⁴ Э л л и с. Vigilemus! Трактат. М., «Мусагет», 1914, с. 8.

1

«Январь 1907 г., Москва»

Дорогой Александр Александрович!

Обращаюсь к Вам с просьбой; я уверен, что Вы отзоветесь на мою просьбу, и чувствую прочность этой внутренней связи, к «ото»рая образовалась между нами во время моего краткого пребывания в Шахматове ¹.

Дело в том, что я достал 1000 руб. на издание сборника под моей личной и единственной редакцией.

Сегодня первый раз с меня спадает бремя Астровской опеки, к «ото»рая заставляла соединять несоединимое, искать синтеза Бухарева и Данте, Вл. Соловьева и Батюшкова ².

Теперь, наконец, возможно создать нечто исключительно эстетическое. Всякий намек на синтез или реализм — должен быть отвергнут. Вы, конечно, меня поймете до конца.

Я хочу собрать материал чисто романтического, даже готического стиля и озаглавить свой будущий сборник «Vox coelesta».

Конечно, для Вас здесь очень много интимно-родственного. Я прошу Вас прислать для этого сборника материал, лучше стихи, но, конечно, возможно и прозу, вообще *все*, что Вы сами сочтете нужным.

Кроме того, прошу Вас переговорить с кем возможно из петербургских литераторов, поскольку их произведения подойдут к девизу-заглавию, — *vox coelesta*. . .

Переводный материал также желателен! . .

Сборник будет включать и стихи, и рассказы, и статьи, и пьесы! . .

Адрес для посылки следующий: Москва, Спасо-Песковский пер., дом Малевича, Н. П. Киселеву ³ для Эллиса.

Шлю Вам свой горячий привет и прошу передать мой глубокий поклон Любови Дмитриевне.

Преданный Вам Э л л и с

Р. С. Скоро вышлю Вам «Молодую Бельгию». Быть может, улучите время прорецензировать ее ⁴.

¹ См. вступительную статью, с. 364.

² Имеются в виду литературно-философские сборники «Свободная совесть» (кн. 1 и 2. М., 1906), в комплектовании и издании которых Эллис принимал деятельное участие; сборники выходили при финансовой поддержке Павла Ивановича Астрова, близкого в 1905—1906 гг. к московскому кружку «аргонавтов» (см.: Андрей Б е л ы й. Начало века. М.—Л., 1933, с. 357—363). Александр Матвеевич Бухарев (в монастыше Феодор; 1824—1871) — духовный писатель, преподаватель Московской духовной академии. В первой книге «Свободной совести» напечатана работа А. С. Бухаревой «Александр Матвеевич Бухарев (Архимандрит Феодор). Из материалов для биографии», также — статья Эллиса «Венец Данте» и перевод с французского третьей части книги Вл. Соловьева «Россия и все-леская церковь» («La Russie et l'Eglise universelle»), выполненный Г. А. Рачинским; во второй книге «Свободной совести» было помещено неизданное стихотворение Соловьева «Когда в свою сухую ниву. . .». Павел Николаевич Батюшков (1864—ок. 1930) — теософ, член кружка «аргонавтов» (см.: Андрей Б е л ы й. Начало века, с. 53—59). В первой книге «Свободной совести» был напечатан его перевод индийского оккультного трактата «Свет на Пути», во второй книге — его статья «О религиозном мистицизме». Блок опубликовал рецензии на первую («Весь», 1906, № 2) и вторую («Золотое руно», 1906, № 7-8-9) книги «Свободной совести». Один из основных упреков Блока в адрес первой книги — эклектический состав и «обезличивающий» сорт мистицизма, отличающий произведения многих ее авторов (см.: V, 606—611). В отклике на вторую книгу Блок констатировал,

что эти недостатки усугубились: «Теперь уже совсем невозможно объединить это пестрое содержание даже такими общими положениями о свободной связи «истины, жизни и красоты», которую, в предисловии к первой книге, редакция полагала возможной — «вместе с Вл. Соловьевым» (V, 629).

³ Николай Петрович *Киселев* (1884—1965) — друг Эллиса, литератор, впоследствии — сотрудник издательства «Мусагет», книговед.

⁴ «Молодая Бельгия». Сб. изд. под ред. Марии Веселовской. Т. I. Поэты. М., <1906>. Книга вышла в свет в декабре 1906 г. В ней напечатаны статья Эллиса «Лебедь «Молодой Бельгии». Жорж Роденбах (Основные мотивы его личности и творчества)» (с. 48—87) и его многочисленные стихотворные переводы из Ж. Роденбаха, И. Жилькена, А. Жиро, Ш. ван Лерберга, А. Фонтэна, М. Метерлинка, Э. Верхарна и других бельгийских поэтов. Рецензию на сборник Блок не написал; в статье «Литературные итоги 1907 года» (ноябрь—декабрь 1907 г.) он отметил: «Выделяем и переводные сборники, как «Молодая Бельгия» (переводы в стихах г. Эллиса) <...>» (V, 221).

2

«Конец января 1907 г., Москва»

Дорогой и милый Александр Александрович!

С удовольствием прочел Ваше письмо! ¹ С гораздо большим, чем Вашу рецензию обо мне в «Золотом» руне! . . . ² После наших бесед в Шахматове я чувствую *всегда* неразрывность связи между мной, как Львом Львовичем, между мной, как Эллисом и Вами! . . . Чувствую эту связь, основанную на общности по отношению к чему-то третьему, Высшему, и на бесконечности страданий от жизни и непонимания всех вообще 3-ьих лиц! . . . Не сомневаюсь в прочности нашей связи, несмотря на то, что каждую минуту на моих глазах рвутся самые прочные связи, рвутся сами собой и часто навсегда, несмотря на то, что в моей личной жизни было очень много горьких разочарований, и не только в людях, но и в кое-чем более значительном! . . . Наши отношения — продолжение и развитие некоего узла, завязанного много раньше. . . быть может А. Добролюбовым ³, быть может Достоевским! . . . Вы, конечно, понимаете меня! . . . Но есть нечто *специально* сближающее нас двоих! Для меня особенно ценно в Вас то, что, вывариваясь во *всех* котлах русской современной хаотической жизни, и в мистике без поэзии, и в поэзии без мистики, и в политике без религии, и в общественности без божественности, и в божественности без общественности, и в анархизме+мистицизме, Вы остались *чистым художником*, даже более, Вы не стали «писателем» (газетное слово, происходящее из взгляда на творчество с механической точки зрения), а остались *поэтом*, т. е. тем существом, к которому является единственной отрадой среди зверинца «средних людей»!

Более того, Вы остались «романтиком» (в широком смысле), певцом «красоты, едва воплощенной», и в каждой Вашей строке чувствуется *презрение к реальному!* Даже в Вашем «Балаганчике», к которому я вообще не люблю, как вещь кружковско-условную ⁴, много беспощадно-спокойного и горько-холодного сознания того, что полагается по вечным, божественным законам за сведение неба на землю, чем так усиленно занялись наши «молодые»! . . .

Ни мистический анархизм Чулкова, ни мистические корреспонденции Б. Зайцева ⁵, ни газетно-мистический стиль фарсов-трагедий Дымова ⁶, ни последние академически-детальные ухищрения В. Брюсова (к которому я вообще в общем велик не всегда) ⁷, ни славяно-русство Бальмонта ⁸, ни семинаристы А. Белого ⁹ (уже наказанного небом за смешение *мистерии* с *хулиганством* ¹⁰), ни теократизм Свентицкого, сочетавшего в неслыханный аккорд слова «вечность» и «приход» ¹¹, ни политические прибауточки неверующего ни в какую реальность, ни в какую общественность Ф. Сологуба ¹² — ничто не пошатнет моей стальной решимости до конца служить невоплощенной Красоте, готической, болезненно-изогнутой арке, тому лику *Беатриче*, к которому является лишь среди звезд, когда земля вовсе невидима, когда смертные очи слепнут и все мгновенно, как *сновидение!* . . . ¹³

Борьба с реализмом в поэзии¹⁴, борьба с пантеизмом в религии — вот, по-моему, важнейшие задачи момента!.. Ваша «Прекрасная Дам» для меня, если и не Beata Beatrix, то Матильда из «Чистилища» Данте, к «то»рая погружает его в Лету, заставляя забыть все земное, и уготовляет его душу и тело для видения Беатриче!¹⁵ В Ваших стихах о Прекрасной Даме — есть нечто истинно *средневековое*. . . Вы абсолютно поняли меня, предлагая вещи из того же цикла. Это — сущность «Vox coelestis» (а не «coelesta», конечно)! Буду очень рад именно таким вещам! Конечно, выбор предоставляется Вам! Может ли современная душа молиться образам средневековья? . . . Да! Стоит для этого пересмотреть картины Габриэля Росетти!¹⁶ Вчера я получил их в подарок и как раз сейчас пересматриваю один, ночью. . . и, хотя 3 дня тому назад умерла моя мать¹⁷, я чувствую полный подъем сил, внутреннюю дрожь восторга и желанье поделиться с Вами этим переживанием! . . .

Вы правы, необходим гонорар! Но подробно обо всех условиях я напишу позднее. . . Пока еще дело только начинается и не от меня одного зависят все детали! . . . О новых петербургских поэтах предоставляю судить Вам и выбирать у них «годное» и нужное, но глубоко сомневаюсь в способности русских поэтов глубоко постигать *бестелесную красоту*! . . . Что касается В. Иванова, то я (при всем моем уважении его учености) не могу его считать «поэтом» и вообще не понимаю из него ни буквы, хотя удачно пишу на него пародии¹⁸. Лучше бы его поменьше! . . . Впрочем, как знаете! Прощайте! . . . Ждите второго моего письма! Любовь Дмитриевна — мой *hommage respectueux*! . . .*

Мой адрес — Москва, Смоленский бульвар, №№ «Дон», № 16¹⁹. Кобылинско-му.

Преданный Вам Эллис

¹ Письмо Блока, по всей вероятности, не сохранилось. Судя по письмам Эллиса, в нем выражалось принципиальное согласие участвовать в задуманном сборнике, намерение поместить в нем некоторые из ранних стихотворений, не вошедших в первое издание «Стихов о Прекрасной Даме», а также предложение привлечь к участию в сборнике Вяч. Иванова. Блок, видимо, указывал и на ошибку Эллиса в латинском заглавии сборника.

² Рецензия на вторую книгу «Свободной совести» (см. п. 1, прим. 2). Касаясь напечатанных в ней стихов, Блок писал: «На втором месте стоят стихи Эллиса, сильно растянутые, но в общем, сколько я знаю, лучшие из всего, что писал этот поэт. В «Фаэтоне», «Анатомическом театре» и «Золотом городе» есть дух истинной и живой поэзии» (V, 632). Эта оценка — наиболее высокая из всех, которые давал Блок произведениям Эллиса в своих статьях и рецензиях.

³ Александр Михайлович Добролюбов (1876—1944?) — поэт, один из крайних выразителей «декадентства» 1890-х годов; на рубеже веков пережил идейно-нравственный переворот, ушел «в народ» и стал религиозным проповедником, странником, впоследствии — основателем секты «добролюбовцев». Эллис расценивал Добролюбова чрезвычайно высоко. Ср. письмо Н. Г. Сутковского к И. Г. Книжнику (1911 или 1912 г.) — о фанатическом приобщении Эллиса к антропософии Р. Штейнера: «Он думает, что истинно ипсущий Высшего может идти только одним путем — или Добролюбова, или Штейнера — промежуточным может идти только посредственностью» (ГПБ, ф. 352, ед. хр. 175).

⁴ Пьеса Блока «Балаганчик» была опубликована в альманахе «Факелы» (кн. 1. СПб., 1906), вышедшем в апреле 1906 г. Отношение Эллиса к «Балаганчику» отражает общую оценку пьесы московскими символистами религиозно-мистического склада и прежде всего Андреем Белым, увидевшими в ней отречение от духовных идеалов юности.

⁵ Первая книга Бориса Константиновича Зайцева (1881—1972) «Рассказы» вышла в свет в издательстве «Шиповник» в ноябре 1906 г. Она включала короткие лирико-импрессионистические этюды и новеллы «чистого» настроения. Книга вызвала широкий интерес, Зайцев был признан характерным представителем так называемого «нового реализма» (или «мистического реализма»).

⁶ Вероятно, подразумевается пьеса прозаика и драматурга Осипа Дымова (псевдоним Осипа Исидоровича Перельмана; 1878—1959) «Долг», поставленная в Москве в театре Корша (премьера 12 января 1907 г.); опубликована в журнале «Библиотека «Театра и

искусства», 1907, № 6, отд. II, с. 1—26. Более ранние пьесы Дымова — «Голос крови» (1903) и «Каин» (1905).

⁷ Вероятно, имеются в виду стихотворения Брюсова, экспериментальные либо по характеру рифмовки, либо по сочетанию различных стихотворных размеров: «Холод, тело тайно сковывающий. . .», «Из тихих бездн — к тебе последний крик. . .» (опубликованы под общим заглавием «Две песни о погибшей любви» — «Золотое руно», 1906, № 11-12, с. 43) и «Обряд ночи» («Весы», 1907, № 1, с. 13—15); вошли в книгу Брюсова «Всепапевы» (1909). См.: Валерий Брюсов. Собр. соч. в 7 томах, т. 1. М., 1973, с. 482—485, 492—494.

⁸ Подразумеваются стихотворения К. Д. Бальмонта, в основном вошедшие затем в книгу «Жар-птица. Свирель славянина», выпущенную в свет в издательстве «Скорпион» в июле 1907 г., и известные Эллису по предварительным журнальным публикациям: цикл «Ожерелье» («Золотое руно», 1906, № 1, с. 38—41; № 2, с. 40—42; № 4, с. 37—49), «Камень-алатырь» (там же, № 5, с. 23—24), «Одолень-трава» и «Близ синего моря» (там же, № 6, с. 23—25), «К Перуну» («Журнал для всех», 1906, № 3, с. 130), «Микула Селянинович» (там же, № 9, с. 514), «Гусли-самогуды» («Перевал», № 1, 1906, с. 10), «Вольга» («Юная Россия», 1906, № 11, с. 1363—1366) и др.

⁹ Имелся в виду стихотворение Андрея Белого «Поповна и семинарист» («Золотое руно», 1906, № 4, с. 33); в расширенном варианте и под названием «Поповна» вошло в книгу Андрея Белого «Пепел» (СПб., 1909, с. 191—195).

¹⁰ Эллис подразумевает мучительные переживания, связанные с любовью Андрея Белого к Л. Д. Блок, в образе которой Белый ранее видел только земное воплощение Вечной Женственности.

¹¹ Валентин Павлович *Свенцицкий* (1879—1931) — писатель, религиозный публицист, выступавший в годы первой русской революции за коренную реформу и демократизацию православной церкви (См.: Вал. Свенцицкий. Что нужно крестьянину. М., 1906, с. 4, а также его статью «К вопросу о церковной реформе» («Вопросы жизни», 1905, № 4—5, с. 267—274).

¹² Книга Ф. Сологуба «Политические сказочки», вышедшая в издательстве «Шиповник» в ноябре 1906 г.

¹³ О дантовской Беатриче Эллис писал в дневнике (лето 1905 г.): «Беатриче, как высший символ, есть нечто такое, о чем *никогда* не должно говорить, но всегда размышлять и чувствовать этот символ *непрестанно*» (ГБЛ, ф. 167, карт. 10, ед. хр. 16, л. 22). Мысли о готическом искусстве и о «Божественной Комедии» как высшем воплощении своего духовно-эстетического идеала Эллис высказал с наибольшей, к этому времени, полнотой в статье «Венец Данте», включающей фрагменты переводов из «Божественной Комедии» («Свободная совесть», кн. 1, с. 110—138).

¹⁴ В понимании Эллиса реализм в искусстве предполагает отсутствие высшего духовного начала, натуралистическую ограниченность. В статье «Лебедь «Молодой Бельгии»» (1906) Эллис истолковывает реализм как «простое ретуширование действительности» («Молодая Бельгия», с. 62).

¹⁵ См.: Данте. Божественная Комедия. Чистилище, XXVIII, 37—148.

¹⁶ Данте Габриэль *Росsetти* (1828—1882) — английский живописец, поэт, основатель «Братства прерафаэлитов».

¹⁷ Варвара Петровна *Кобылинская*. О ее смерти С. М. Соловьев писал Андрею Белому 31 января 1907 г. (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 13).

¹⁸ Тексты пародий Эллиса на стихи Вяч. Иванова неизвестны.

¹⁹ Меблированные комнаты «Дон» — место жительства Эллиса в Москве.

3

«Вторая половина февраля 1907 г., Москва»

Дорогой Александр Александрович!

Спасибо за письмо. . .¹ Спасибо за стихи, которые, конечно, будут помещены все в том порядке, в каком Вы их сочетали. Ввиду забастовки почти всех московских типографий и позднего времени я полагаю пустить в печать «Vox coelestis» не раньше августа. Удобно ли Вам последнее? ²

Конечно, до этого времени Ваши стихи будут сохранены в абсолютно надежном месте. Что касается гонорара, то размер его мы определили не < 25 коп. за строку при выходе сборника из печати. В сборнике, кроме Вас и меня, принимают участие Белый, Соловьев, Гофман, Эртель, Киселев, Метнер и нек<оторые> др<ругие> ³.

Что касается петербургских литераторов, то лучше с ними подождать до осени. Тогда мы с Вами поговорим. «Эрос» В. Иванова ⁴ я прочел, но кроме отдельных строф и строк его не принимаю. Вообще для меня В. Иванов — просто вульгаризатор Ницшевско<го> дионисизма ⁵, перед к<ото>рым я преклоняюсь, как перед *осязаемым бессмертием*. Дионисизм Фр. Ницше

и единственно он дает нам чувство вечного *без* мучительного вопроса о том, личное ли это бессмертие или безличное (растворение в мировом). Сущность его — я так страдал, что не могу исчезнуть бесследно! Каждое дуновение этого героического дионисизма — заставляет дрожать от восторга мою душу. . . 30, 40 лет жизни мне нужно для того, чтобы разобраться в самых даже существенных чертах этого культа мировой боли и радости. И вдруг. . . самая обыкновенная размеренно-кропотливо-скучная и *абстрактно-извращенная* литература, все методы и приемы к «ото»рой мне хорошо ведомы и. . . не интересны. Превратить «распятого Диониса» в «полуальфонса, полу-шулера» Кузмина, при одном виде к «отор»ого я краснею от стыда и отвращения, или в явного дуралея Волошина, к «отор»ого я знаю с студенческой скамьи, человека *не* интеллигентного, добродушно-нахального и до смешного покладистого — это возмутительно-пошло! ⁶ Я не знаю В. Иванова как человека, думаю, что он скорее симпатичный человек, но того ли нам нужно, чтобы разгадать загадки Фридриха Ницше! Впрочем, в России никогда не интересовались ни Данте, ни Гете, ни Фетом, ни Лермонтовым, ни Бодлэром, ни Ф. Ницше. . . Это — знаменательно! . . Мы постигли лишь Шекспира да Пушкина и потом сразу Метерлинка. . . ⁷

Скоро пришлю вам «Мол«одую» Бельгию» и Дневник Бодлэра ⁸, к «ото»рый выйдет, лишь кончится забастовка. Обратите внимание на последний!

Бодлэр погиб в исканиях достойного его подвига! Не губит ли и нас то, что не за кого и не за что погибнуть, отдать себя в жертву. Все полусмешно, полу-грустно, а чаще грязно и не аристократично!

Весь Ваш Эллис

Небольшая просьба. Не возьмете ли на себя труд переговорить с каким-либо из петербургских новых издательств о том, не возьмется ли оно издать непереведенный роман Роденбаха «L'art en exil» * с оплатой 45—50 руб. за лист. Буду Вам бесконечно благодарен за хлопоты ⁹.

Эллис

¹ Текст этого письма Блока к Эллису неизвестен.

² Забастовка рабочих многих московских типографий проходила во второй половине февраля — первой половине марта 1907 г. (см.: «Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции. 1906—1907 годы. Январь—июль 1907 года». Кн. 1. М., 1963, с. 217—220). Под «поздним временем» подразумевается скорое наступление летнего сезона. Блок отвечал Эллису 5 марта 1907 г.: «Спасибо за письмо и за принятие стихов, очень рад этому, а также, признаюсь, гонорару осенью, — наверное, деньги очень понадобятся. Конечно, «Vox Coelestis» лучше выпустить к началу сезона, а не к концу» (VIII, 181).

³ Виктор Викторович *Гофман* (1884—1911) — поэт-символист. Михаил Александрович *Эртель* — историк, теософ, член кружка «аргонавтов». Эмилий Карлович *Метнер* (псевдоним Вольфинг; 1872—1936) — философ и критик, основатель и редактор издательства «Мусагет» и журнала «Труды и дни», близкий друг Андрея Белого и Эллиса.

⁴ Сборник стихов Вяч. Иванова «Эрос» (СПб., «Оры», 1907) вышел в свет в январе 1907 г. . .

⁵ Вяч. Иванов развивает идеи книги Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» («Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik», 1871) в исследовании «Эллинская религия страдающего бога» («Новый путь», 1904, № 1—4, 8, 9; окончание — под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» — «Вопросы жизни», 1905, № 6, 7), статье «Ницше и Дионис» («Весь», 1904, № 5), а также в стихотворных произведениях, в том числе в сборнике «Эрос».

⁶ Михаил Алексеевич *Кузмин* (1872—1936) и Максимилиан Александрович *Волошин* (1877—1932) были в это время близкими друзьями Вяч. Иванова, завсегдастами «ивановских сред», жили в Петербурге в одном доме с Ивановым (см. об этом: О. Дешарт. Введение. — В кн.: Вячеслав Иванов. Собр. соч., т. I. Брюссель, 1971, с. 103—106; John E. Malmstad. Mixail Kuzmin: a chronicle of his life and times. — В кн.: М. А. Кузмин. Собрание стихов, т. III. München, 1977, с. 119—128). Отзыв Эллиса о Кузмине является прежде всего реакцией на выход в свет его повести «Крылья» («Весь», 1906, № 11). С Волошиным Эллис учился вместе в конце 1890-х годов в гимназии Л. И. Подиванова и затем на юридическом факультете Московского университета, тогда между ними были приятельские отношения. Свое отношение к «дионисийству» Вяч. Ива-

* «Искусство в изгнании» (франц.).

Дорогой Лев Лбович.

Спасибо за письмо и за приятные стихи, ослеп ради Эросу
а также, прелесть, шарму ослеп — невольно. Девки
очень кокетливы. Какое, Vox Caestis лучше Виллиамс
Клеву сезон, а не и кому.

Ваши слова о Вяч. Иванове и Кузmine ужасно глубоки.
Эти Ваши, я принимаю их, слыша, что за ними
стоит истинный рыцарь. О Кузmine, опять таки
и Вами, я не хочу даже спорить, потому что Вы
самым себе ит. что, опять таки. Вашему взгляду на
Кузмина. Но знаете ли Вы, что Вячеслав Иванов
«растворил свою жемчужину любви» («Эрос»), как
Лир? Эрос — советом утв. не мне, а не фиде, пошлито,
это — мифос мурин, которое всегда — болотка и против
Меча — слово, но, когда за словом сфалтерис мурин-
кавказское мурин, — мурин тонет. Потому Виллиамс
и Вяч. Иванов (Эти небылицы я не отрицаю)
нужно не романтизировать, не мурин и не мажор-
сфон А. Б. И. Его чувственную музыку можно
заглушить ^{только} льдом — но прав ли будет его
противник, не понесет ли он много проклятия за это — я не знаю. Я не боюсь Вяч. Иванова, хотя он стоит на дороге и его не объедешь. Может быть, пройти
ко двору и сн. не объедешь. Может быть, пройти

ПИСЬМО БЛОКА ЭЛЛИСУ ОТ 5 МАРТА 1907 г.

Автограф

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

нова Эллис высказывает еще более резко в письме к Э. К. Метнеру (январь — начало фев-
раля 1907 г.): «Если Дионис уже приобрел у нас в России ослиные уши и бороду цвета
бороды Вячеслава Иванова, если он даже дошел до общеобязательной извращенности,
то Аполлон, стоявший в стороне, должен сделать шаг вперед и снова натянуть спущенный
лук. . .» (ГБЛ, ф. 167, карт. 7, ед. хр. 1).

⁷ В ответном письме от 5 марта Блок продолжил начатый Эллисом разговор о твор-
честве Вяч. Иванова и откликнулся на его слова о «постижении» Шекспира в России:
«Ваши слова о Вяч. Иванове и Кузmine ужасно глубоки. Как Ваши, я принимаю их,
слыша, что за ними стоит истинный рыцарь. О Кузmine опять-таки с Вами я не хочу
даже спорить, потому что во мне самое есть нечто, отвечающее Вашему взгляду на Куз-
мина. Но знаете ли Вы, что Вячеслав Иванов «растворил свою жемчужину любви» («Эрос»),
как Лир? < . . . » Его чувственную музыку можно заглушить теперь только льдом — но
прав ли будет его противник, не понесет ли он много проклятия за это — я не знаю. Я не
боюсь Вяч. Иванова, хотя он стоит на дороге и его не объедешь. Может быть, пройти
сквозь него надо жизнью («жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою. . .»). Замечаю, что цити-
рую все Шекспира. Люблю его глубоко; и, может быть, глубже всего — во всей мировой

Октябрь или надо забыть (.. забыть мою, забыть мою,
забыть мою...").

Забывая, что читаю все Максимилиана Робеспьера его
люблю, и, может быть, люблю все — во всей мировой
литературе — Макбета.

О романе Роденбаха поговору непременно,
как только увижу, например, Шиповников,
(или несколько, и в сортировке от приложения
Зайцева — вот и напишу надо поговорить). Если не
удастся у них — попытаюсь еще и кто-нибудь,
спрошу.

За "Молодую Бельгию" .. "Бодлэра" заранее
большое спасибо. Диму Вильяму пишу письма.

Ваш Александр Блок.

5. III. 1907.
Саб.

ПИСЬМО БЛОКА ЭЛЛИСУ ОТ 5 МАРТА 1907 Г.

Автограф (окончание)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

литературе — «Макбета» (VIII, 182; комментарий М. И. Дигман — VIII, 582). Об отношениях Блока с Кузминым и Ивановым см.: Г. Г. Шамаков. Блок и Кузмин. (Новые материалы). — «Блоковский сб.», 2, с. 341—364; Е. Л. Белькинд. Блок и Вячеслав Иванов. — Там же, с. 365—384.

⁸ Имеется в виду издание: Шарль Бодлэр. Мое обнаженное сердце. Перевод Эллиса М., «Дилетант», 1907. Книга включает предисловие Эллиса, 80 фрагментов дневника Бодлера («Мое обнаженное сердце») в переводе Эллиса, стихотворение Эллиса «Эпилог» и перевод А. Киселевой под редакцией Эллиса — «Бодлэр в Бельгии. (Из биографии Крепе)».

⁹ 5 марта 1907 г. Блок писал Эллису: «О романе Роденбаха поговору непременно, как только увижу, например, «Шиповников» (<...> Если не удастся у них — попытаюсь еще с кем-нибудь, спрошу» (VIII, 182). «Шиповники» — З. И. Гржебин и С. Ю. Копельман, основатели петербургского издательства «Шиповник». В 16-й записной книжке Блока — недатированная запись, относящаяся к февралю—марту 1907 г.: «Роденбах — «Шиповник» (ЗК, 93).

«Середина марта 1907 г. Москва»

Дорогой Александр Александрович!

Заглавие книги «L'art en exil»¹. Это роман, написан Роденбахом в конце 80 гг. до «Мертвого Брюгге», до «Прялки туманов» и задолго до «Carillonneur»².

Не знаю, как оценивать его с точки зрения «синтеза искусства и социализма», ибо, по-моему, это совершенно непонятная точка зрения³, уступающая по своей странности одному лишь «мистическому анархизму», к *«ото»* — *рый* есть скорее «анархический мистицизм». Я вообще далек от синтезов через тире. . . *

Оценивая роман «L'art en exil» с *чисто и только* художественной точки зрения (к чему, конечно, и Вы присоединитесь), я считаю его ниже «Carillonneur'a», выше «Прялки» и приблизительно равным по художественному достоинству «Мертвому Брюгге». Сюжеты их также сходны. Все творения Роденбаха проникнуты одной идеей служения *идеальной* Красоте, т. е. отрешению от реального мира, ибо соединение себя с землей в результате дает безумие или. . . пошлость. Все прозаические вещи Роденбаха можно рассматривать как предварительные картоны, эскизы к «Carillonneur'у», но как бессмертны и ценны эти эскизы! ⁷ Считаю Роденбаха первоклассным, оригинальным и утонченным художником, я считаю, что перевод романа «L'art en exil» (как это заглавие применимо к современной России!) заполнит мучительный пробел в переводах Роденбаха, ибо почти все его прозаические вещи переведены на *русский* язык, все, кроме этого. Спрос на Роденбаха, по-видимому, обеспечен; это явствует из прекрасного сбыта других его романов, что я знаю хорошо, ибо весьма дружен с его переводчицей, Марией Веселовской⁸; «Молодая Бельгия» также идет очень хорошо. Последнее пишу не для Вас, а для «Шиповника».

Содержание данного романа заключается в том, что некий молодой поэт, Рембрандт, услышав в готическом соборе пение одной из бегиннок, влюбился в ее голос, а потом и в нее; он женится на ней, стораю от желания перелить в нее свою любовь к поэзии, но. . . его жена, запуганная монастырским режимом, слишком хрупкая и слабая, мучимая мистическим ужасом и совестью за уход из бегинажа, скоро умирает. . . Это — первая драма поэта!

Поэт стремится найти исход в творчестве, но его родной город отвергает и осмеивает его так же, как невежды вроде Чулкова глумятся над строками «Смерть, внемли славословью! . . .»⁹ Поэт — замыкается, испытывая нечеловеческие муки, он горд, как лебедь, глубок, как море. . . он не может унизиться до того, чтобы художественные ценности приспособлять к вкусам толпы под формой разных синтезов, ибо поэзия не нуждается в подобных *низостях*. . . Это — *вторая драма поэта*.

Поэт переживает гибель своего лучшего друга художника, тоже оскорбленного толпой!

Это — третья драма его!

Тогда поэт впадает в меланхолический экстаз, бесконечно, утонченно прекрасный; в этом — выход для «готической души». Таков сюжет и смысл романа! *Вам ли не понять всей святости его?* Шиповники могут думать иначе. Если имя Роденбаха ничего не говорит им, если они не способны понять бездонной красоты и трагической силы подобного сюжета, то мне остается лишь поступить с ними так же, как герой этого романа!

* Зачем Вам «*мистический*» анархизм, раз Вы можете творить художественные ценности. Изымы нужны лишь таким бездарным невеждам, как автор «Действительно-кремнистого пути»⁴, к *«ото»* — *рый* после рецензии на «Земную ось» может быть поставлен в число первых литературных хулиганов < . . . »⁵ Вы лучше меня знаете цену гениальной драмы Брюсова «Земля»⁶ и едва ли можете без отвращения читать выходки гг. Чулковых и проч.

В романе около 250 стр. разгонистого шрифта. За границей *все* произведения Роденбаха теперь признаны первоклассными, кроме самых ранних, изъятых им из продажи.

Вообще говорить в защиту Роденбаха и притом с Вами — мне очень трудно. Я могу сказать лишь то, что считаю его головой выше Метерлинка, Гауптмана, немного выше Гамсуна и, пожалуй, даже самого Ибсена, в котором мораль поглотила красоту.

Успех романа — по-моему обеспечен!¹⁰

О себе скажу, что помимо горячего желания работать над произведением *«ми»* поэта мне близкого, родного и дорогого, я имею и иные цели. Я призываюсь к воинской повинности и лишаюсь заработка¹¹. Поэтому мне деньги нужны до зареза.

Если «Шиповник» все же не согласится издавать «L'art. . .», то похлопочите, дорогой Александр Александрович, о том, нельзя ли мне получить от него какую-либо другую работу. Перевод с французского — всего лучше для меня!

По возможности — меньше *реального* и *социального*!

Больше готики и печали!

Наш «Vox coelestis» постепенно полнеет, и я доволен общим составом материала.

С августа приступим к печатанию.

Крепко жму Вам руку!

Tout à vous *

Эллис

¹ По всей вероятности, это письмо является ответом не на письмо Блока от 5 марта 1907 г. (VIII, 181—182), а на последующее, неизвестное нам, письмо, в котором Блок мог предложить, после предварительных переговоров с издателями «Шиповника», детальнее охарактеризовать роман Роденбаха, а также высказать некоторые соображения (например, о «синтезе искусства и социализма» или о Г. И. Чулкове — ср. п. 5), которые развивает Эллис в своем письме. Ср. п. 3, прим. 9.

² Произведения Жоржа Роденбаха (1855—1898) выходили в свет в следующей последовательности: «Искусство в изгнании» («L'art en exil», 1889), «Мертвый Брюгге» («Bruges-la-morte», 1892), «Звонарь» («Le carillonneur», 1897), «Прялка туманов» («Le rouet des brumes», 1901).

³ Возможно, в этих словах скрыта полемика не только с предполагаемым неизвестным письмом Блока к Эллису, но и с идеями статьи Блока «Михаил Александрович Бакунин (1814—1876)», напечатанной в журнале «Перевал» (№ 4, 1907, февраль). В ней была подчеркнута «синтетичность» личности Бакунина: «. . .» эта «синтетичность» все-таки как-то дразнит наши половинчатые, расколотые души . . . Он над гегелевской тезой и антитезой возвел скоропалительный, но великолепный синтез . . . Перед нами — новое море «тез» и «антитез». Зайдем огня у Бакунина!» (V, 34).

⁴ Г. И. Чулков; первый сборник его стихов — «Кремнистый путь» (М., изд. В. М. Саблина, 1904).

⁵ Рецензия Чулкова на книгу В. Я. Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены» (М., «Скорпион», 1907) появилась в журнале «Перевал» (№ 4, 1907, февраль, с. 64—65); редакция при этом сопроводила текст примечанием о своем несогласии с некоторыми из суждений г. Чулкова. Чулков, рассматривая книгу со своих «мистико-анархических» позиций, писал, что «Земная ось» «художественной ценности не представляет никакой» и что «художественное бессилие» книги является доказательством банкротства «удивленной души», антиобщественного индивидуализма и «религиозно-философской слепоты», которыми отмечено творчество Брюсова. Рецензия Чулкова была воспринята многими, и Эллисом в том числе, как месье Брюсову за его статьи, подвергавшие «мистический анархизм» резкой критике («Вехи. IV. Факелы». — «Весы», 1906, № 5; «Вехи. V. Мистические анархисты». — Там же, № 8; подпись: Аврелий). Ее появление повлекло за собой официальный уход Чулкова из «Весов», отказ Брюсова от сотрудничества в альманахах «Факелы», издававшихся под руководством Чулкова, и прекращение их личных взаимоотношений. Оценка Эллисом писателей «званьевцев» достаточно типична для того отношения к ним, которое культивировалось в московской символистской среде вокруг журнала «Весы».

⁶ Подробную восторженную характеристику драмы «Земля» (вошедшей в «Земную ось») Эллис дал впоследствии в своей книге «Русские символисты» (М., 1910).

* Весь ваш (франц.).

Характеристика творчества Роденбаха чрезвычайно показательна для представления об эстетических идеалах Эллиса этого времени. В статье «Лебедь «Молодой Бельгии»» он называет бельгийского писателя «величайшим из современных поэтов-символистов»: «Голос его музыки на сложной клавиатуре современного искусства всегда звучал, как «vox coelestis. . .» («Молодая Бельгия», с. 50, 87). В «Молодой Бельгии» Эллис опубликовал в своем переводе 22 стихотворения Роденбаха и стихотворение Поля Мюша «Поэту Жоржу Роденбаху». В стихотворном переводе Эллиса вышла драма Роденбаха «Покрывало», в предисловии Эллис подчеркивал, как и в «Лебедь «Молодой Бельгии», непримиримость идеала и реальности в творчестве Роденбаха: «Безжалостная жизнь неизбежно должна разбить мечту, тайна всегда кончается печальной разгадкой < . . . » (Жорж Роденбах. Покрывало. Драма. Перевод Эллиса. М., «Заратустра», 1907, с. 7). О Роденбахе Эллис говорит и в книге «Русские символисты» — о его «католической эстетике», о «полуритуальной благоговейности» и «совершенной чистоте» его образов (с. 86, 284, 331); в трактате «Vigilemus!» он подмечает в лирике и романах Роденбаха «тишину полного самозабвения и чисто готической кротости» (Эллис. Vigilemus! Трактат. М., «Мусагет», 1914, с. 7). Один из неосуществленных замыслов Эллиса — книга «Европейские символисты», которая должна была образовывать вместе с «Русскими символистами» двухтомную «Историю символической школы»; в книге предпологались, согласно сохранившимся планам, главы о Ш. Бодлере, П. Верлене, Ст. Малларме, Ж. Роденбахе и Э. Верхарне. В главе о Роденбахе должны были быть рассмотрены личность писателя («Биография. Характеристика. Связь с Бодлером и Малларме. Роденбах и Метерлинк. Роденбах и Э. Верхарне»), творчество (лирика, проза и критические статьи), а также влияние Роденбаха на современников («Ученики Роденбаха. Самэн. Соверэн») (ЦГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 12).

⁸ Мария Васильевна Веселовская (1877—1937) — критик и переводчица, жена переводчика и литературоведа Ю. А. Веселовского.

⁹ «Смерть, внемли славословью! . . .» — «гимн» из пьесы Брюсова «Земля» (Валерий Брюсов. Земная ось, с. 129—130). В рецензии на «Земную ось» Чулков писал: «. . . если свет религии гаснет в искусстве, то и само искусство умирает, увядает, как засохший стебель: остается только механика и нет даже подлинного мастерства, как, напр., в безрелигиозной «Земле» Брюсова. Здесь один только Мастер — Смерть. Но это не та Незнакомка, что чаровала и чарует поэтов всех времен, а просто бутафорский мертвец» («Перевал», № 4, 1907, с. 64).

¹⁰ К переводу «Искусства в изгнании» Эллис, вероятно, не приступил, так как переводчики Блока с издательством «Шиповник» не увенчались успехом. «Шиповники» упираются и, во всяком случае, откладывают все в долгий ящик, — писал Блок Эллису 1 апреля 1907 г. — Они теперь сосредоточились на переводах северных писателей, а с французского — не хотят» (VIII, 185). Впоследствии перевод романа выполнила М. В. Веселовская, выпустившая его отдельным изданием: Жорж Роденбах. Искусство в изгнании. Перевод Марии Веселовской. М., изд-во В. М. Саблина, 1909. Эллис опубликовал на него рецензию, в которой, так же как и в письме к Блоку, развил тему трагически-неразрешимого конфликта художника и действительности: «Все изменяет поэту, отрешенному от реальной почвы обыденности, пошлости и житейской суety, все предаёт его: родина, близкие и родные люди (мать, жена), друзья, сограждане, даже самые вещи; ему неоткуда и негде ждать спасения, даже самой легкой тени сочувствия и понимания < . . . » Но ужаснее всех личных мук то унижение, осквернение и поругание, святого, великого, божественного *l'art*, которое составляет самую сущность жизни вообще, которое неизбежно всегда и всюду, как смерть < . . . » Самое заглавие этого романа звучит, как горький упрек, направленный против жизни вообще, как гордый лозунг немногих избранных *Мечты*, как призыв к отрешению и готическому уединению души». Эллис отметил, что перевод Веселовской выполнен «верно и тщательно», но тяготеет к чрезмерной подчиненности оригиналу («Весь», 1909, № 3, с. 95—97).

¹¹ К воинской службе Эллис привлечен не был. Ср. его недатированное письмо к В. Я. Брюсову: «. . . влияние на меня казармы убийственно. Если испытательная комиссия не освободит меня, то я буду считать, что слишком рано нашел свой Рэдинг» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 91; Рэдинг — тюрьма, в которой отбывал заключение О. Уайльд).

Многоуважаемый Александр Александрович!

Прочитав Ваше письмо, написанное в стиле петербургского чиновника, я могу сказать Вам только следующее и раз навсегда. Формально вы абсолютно правы, я абсолютно виноват. Соизвольте снизойти к моему тону и простите мою резкость!

По существу я считаю, что заметка Чулкова о «Земной оси» противоречит всем элементарным условиям чести, логики, приличия и честности!

Если Вы можете защищать ее, то я считаю наши внутренние отношения порванными. Понимаю теперь и Сережу и Борю² в их отношении к Вам! Добавлю, что я на их месте поступил бы еще б <олее> резко. Но как объяснить мне Ваш отзыв о Чулкове в предыдущем письме, к <ото>рый абсолютно противоречит последнему письму³.

Прощайте навсегда и бесповоротно.

Эллис

¹ Ответ на письмо от 1 апреля 1907 г., в котором Блок защищает Чулкова от нападок Эллиса (п. 4): «Относительно Чулкова не хочу соглашаться с Вами. В нем есть правда, давно уже важная для меня, отчасти, может быть, враждебная мне, но — тем важнее. И его отношение к Брюсову — полуправда, полухулиганство (подчеркнуто Эллисом, на полях вопросительный знак. — А. Л.). Но в ком нет последнего — может быть, есть и во мне? Много двойников развелось, постоянно душа тянет руку другой душе — полуподобной себе, полувраждебной» (VIII, 185). Эллис подчеркнул слова «есть и во мне» и написал рядом на полях: «Сколько угодно!» (письмо Блока к Эллису сохранилось в архиве Брюсова. — ГБЛ, ф. 386, карт. 77, ед. хр. 40).

² Т. е. С. М. Соловьева и Андрея Белого, находившихся в это время с Блоком в сложных конфликтных отношениях.

³ Имеется в виду, вероятно, критический отзыв о Чулкове в предполагаемом неизвестном письме Блока к Эллису (см. п. 4, прим. 1). На таковой намекает сам Блок в письме к Андрею Белому от 15—17 августа 1907 г.: «...» неужели Вы думаете, что я «предаю друзей врагам», когда пишу Вам или Эллису насмешливо о Чулкове, а потом — «противоречу себе» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 204). Блок парирует здесь упреки Андрея Белого в его письме от 10—11 августа 1907 г., затрагивающем среди многих обстоятельств литературно-критической борьбы и конфликт Блока с Эллисом (при этом Белый обнаруживает знакомство со всеми его деталями, в том числе с содержанием письма Блока к Эллису от 1 апреля 1907 г.): «Вам Эллис пишет «Чулков хулиган». Это резко, но я понимаю Эллиса. <...> Вы в ответ полу-соглашаетесь с ним. Это приводит его в враще негодование. Он спрашивает себя, почему же Вы ногами и руками не отрещиваетесь. Он пишет Вам (правда) резкое письмо, но идущее от действительного знания и переживания: Вы в ответ становитесь на формальную точку зрения» (там же, с. 196—197).